

АЛЬ ХАЗИМИ ИССАМ ХАЛИД АБДАЛЛА

«НЕВИДИМЫЕ ФРОНТЫ». КАК ВЕДУТСЯ ГИБРИДНЫЕ И ПРОКСИ-ВОЙНЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Современный Ближний Восток остается регионом, где сохраняются острые локальные боевые действия: от противостояния в секторе Газа до нестабильности в Йемене и Ираке. При этом, наряду с традиционными войнами, здесь активно разворачиваются гибридные и прокси-конфликты. Эти формы противоборства особенно выражены в отношениях между Израилем, Ираном и Саудовской Аравией, а также в связи с действиями США их партнеров в Сирии и Персидском заливе в контексте соперничества региональных держав, использующих военные, информационные и киберинструменты для достижения своих целей. В статье анализируются ключевые механизмы гибридных конфликтов в регионе: от взаимодействия регулярных армий с военизированными формированиями до использования цифровых технологий и кампаний дезинформации. Особое внимание уделяется роли иностранных держав, которые через поддержку прокси-групп реализуют собственные интересы, способствуя сохранению нестабильности и фрагментации региона. Исследование основано на анализе динамики гибридных и прокси-войн на Ближнем Востоке, в частности между Ираном, Саудовской Аравией и Израилем, а также с участием США и их партнеров в Сирии и Персидском заливе. Гибридный характер таких войн трансформирует традиционные представления о суверенитете, безопасности и формах насилия в регионе. Подчеркивается, что «невидимые фронты» будут в большей степени выходить за рамки обычных военных действий. На первый план выдвигаются информационное пространство, энергетическая инфраструктура и сети политического и экономического влияния как ключевые сферы проявления стратегической конкуренции. Освоение и системное понимание логики функционирования данных «невидимых фронтов» — необходимое условие формирования комплексных международных стратегий безопасности.

Ключевые слова: гибридные войны, прокси-войны, конфликты, негосударственные акторы, киберинфраструктуры, делегитимизация.

JEL: F5

Современные войны на Ближнем Востоке *утрачивают образ обычных военных действий*. Противостояния в Сирии, Йемене, Ираке, Ливане или секторе Газа характеризуются сложным переплетением традиционных боевых действий, информационного давления и использования сети прокси-структур. Данные процессы отражены в ключевом тезисе начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации В. Герасимова о «стирании различий между состоянием войны и мира», когда политические и стратегические цели достигаются «негеометрически» — т.е. комплексом невоенных инструментов (политических, экономических, информационных, гуманитарных)¹.

Идея гибридности как центрального признака современной войны не сводится к механическому соединению военных и невоенных методов. Это — *качественно новая конфигурация власти и контроля*, в которой государственные и негосударственные акторы взаимодействуют в «неуправляемых пространствах» (территориально, институционально или информационно), создавая зоны перманентной дестабилизации.

Природа гибридной войны и прокси-войны

Понятия «гибридная война» и «прокси-война» заняли центральное место в современной теории международных отношений и международного права, особенно применительно к конфликтам на Ближнем Востоке. Эти явления отражают трансформацию традиционных форм вооруженного противоборства в условиях глобализации, цифровизации и изменяющегося баланса сил между государственными и негосударственными акторами. Гибридная война — это взаимодействие силового и невоенного давления с широким использованием информационного оружия. Его ключевые характеристики — универсальность, скрытность, экономическая эффективность и эффект цепной реакции. Гибридная война может вестись через прокси-структуры (например, использование нерегулярных формирований и медиавлияния одновременно).

Прокси-война структурно направлена на делегирование участия, а гибридная — на многомерность инструментов давления. Таким образом, прокси-война — это способ участия во внешнем конфликте без прямого вовлечения, а гибридная война — способ ведения конфликта, совмещающий военные и невоенные средства. Они могут сочетаться в одном случае, но принадлежат к разным уровням анализа: прокси — институционально-акторному, гибридная — тактико-технологическому.

В статье «Ценность науки в предвидении» В. Герасимов отметил, что XXI в. характеризуется «возросшей ролью невоенных способов» при достижении стратегических целей². Он указывает, что многие конфликты начинаются не с применения силы, а с информационного

¹ Герасимов В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер (общероссийская еженедельная газета). 2013. № 8 (476). С. 1–12.

² Там же.

воздействия, управляемых протестов, экономического давления и дипломатической изоляции. Этот анализ — результат *реакции на практику Запада в Ливии и Сирии* в период «арабской весны», где смена режимов сопровождалась внешним управлением протестным потенциалом общества. В другой публикации «Мир на гранях войны» В. Герасимов вводит в анализ собственно гибридную войну [1], обозначая ее черты на примере действий США и их союзников в Сирии, включая кибероперации и информационно-психологические воздействия. Герасимовская модель объясняет современную ближневосточную динамику через призму неразрывности войны и мира: даже при отсутствии вооруженной агрессии национальная безопасность государства может быть подорвана в результате целенаправленных невоенных действий.

Рассмотрим детально развитие гибридных и прокси-войн на Ближнем Востоке.

Израиль как фактор и объект гибридного давления

В условиях Ближнего Востока информационные атаки и киберинфраструктуры становятся элементом новой реальности. Пропагандистские кампании в социальных сетях, кибератаки на энергетические объекты и психологическое давление на население теперь неотъемлемы от дипломатических и санкционных инструментов.

Так, *Израиль стал уникальной страной, связанной с применением гибридных угроз*. Каждый этап военной истории сопровождался адаптацией противников, переходивших от традиционных войн к террористическим, затем — к транснациональным и правовым кампаниям. Израиль вынужден был развить высокую чувствительность к смене пространства войны — от физического к информационному и правовому [2]. Быстрая способность распознавать возникающие пространства войны, правильно оценивать и эффективно отвечать, стала, таким образом, критической потребностью для национальной оборонной стратегии Израиля.

Сейчас Израиль находится *на этапе последней смены пространства войны*. Новый конфликт представляет собой гибридную войну, в которой западные страны и негосударственные акторы формируют транснациональные союзы, используют неконтролируемые пространства, глобальные институты и международное право, чтобы вести военную, террористическую, информационную, дипломатическую и легальную борьбу против западных демократий в двух формах: формирование союза государства и негосударственных акторов (НГА) и использование международного права и международных организаций. Это стало возможным вследствие глобализации и распространения технологий, предоставляющих такую силу организациям, сетям или даже отдельным лицам, которыми они ранее не располагали.

Для Израиля новая реальность означает постоянное существование в кольце гибридных фронтов. Он противостоит одновременно кибератакам, пропагандистским кампаниям и террористической активности,

а также сталкивается с использованием международного права в качестве оружия (уголовное преследование командования, политико-правовые кампании в ООН, делегитимизация в международных судах).

С момента начала в 2006 г. конфликта Израиля с военизированной ливанской организацией «Хезболла» появляется термин «гибридные угрозы». Он применяется для описания растущей сложности и нелинейности «акторов угрозы», подрывавших положение статус-кво. Разрастание этих акторов, по-новому соединяющих регулярные и иррегулярные возможности и внезапно перемещающих их для создания стратегического эффекта на нужных направлениях, способствовали тому, что концепция гибридных угроз привлекла внимание и стала объектом многих дискуссий. Из этого дискурса вышел термин «гибридные войны». Новая гибридная война включает «формирование союзов “государство и НГА”» и использование международных институтов как инструментов давления» [3].

Рассмотрим прокси-войны как формы стратегического взаимодействия акторов на Ближнем Востоке.

Сирийский узел гибридной войны.

Пересечение интересов региональных и глобальных акторов

Ближний Восток в последние десятилетия стал ареной столкновения двух ключевых региональных проектов — шиитского (во главе с Ираном) и суннитского (под руководством Саудовской Аравии). Иран создал сеть вертикальных и горизонтальных союзов с НГА — от «Хезболлы» и «ХАМАСа» до хуситов в Йемене, используя их как инструмент проекции силы, позволяющий вести войну через посредников. Эти структуры сочетают идеологическую мобилизацию, квазигосударственное управление и внешнеполитическую гибкость.

Саудовская Аравия ведет зеркальную стратегию, формируя коалиции против иранского влияния (Йемен, Бахрейн, Сирия). На этом фоне информационные и экономические меры становятся не менее эффективными, чем военные. Блокадная политика, санкции и религиозная мобилизация служат механизмами вмешательства во внутренние дела соседей без официального объявления войны.

Сирийская война *объединила все признаки гибридной конфронтации*: присутствие внешних держав, активное использование НГА, борьбу в информационном пространстве, экономические санкции, манипулирование международным правом. С одной стороны, США, Турция и арабские монархии действуют посредством прокси-групп и дипломатического давления, с другой — Иран и «Хезболла» поддерживают сирийское правительство, что создает пространство пересекающихся мировоззрений и технологий войны. Сирийский опыт подтверждает тезис, что современная война «идет не по привычному шаблону»³.

---

³ Герасимов В. Ценность науки в предвидении.

Информационные операции, санкции и гуманитарные инициативы стали столь же значимыми, как авиаудары или контратаки.

Таким образом, противостояние Ирана и Саудовской Аравии в сочетании с вмешательством внешних акторов сформировало новые конфликты на Ближнем Востоке, где традиционные и нетрадиционные формы войны сливаются в единый гибридный формат. На этом фоне особое значение приобретает стратегическое осмысление подходов в политике США и России, где каждая сторона реализует собственное понимание гибридных угроз и инструментов влияния. Например, американские военные говорили о «гибридных угрозах», в то время как русские — об ассиметричных войнах⁴.

Американская стратегия на Ближнем Востоке строится вокруг *концепции «управляемой нестабильности»*. Вмешательство в Сирию, Ирак, Ливию и поддержку антиправительственных коалиций можно рассматривать как применение гибридных средств герасимовской формулы — только с противоположным знаком [4]. Основным оружием становятся информационное воздействие, дипломатическая изоляция и активизация социальных сетей для стимулирования внутренних протестов.

Российское участие в сирийском конфликте демонстрирует *иную парадигму гибридной войны*. Москва ведет классическую военную операцию, дополняя ее информационной, дипломатической и гуманитарной деятельностью. Так Россия зеркально отвечает на методы противников, используя гибридные инструменты защиты государственного суверенитета союзников.

«Невидимые фронты» Ближнего Востока

Таким образом, современные конфликты на Ближнем Востоке демонстрируют глубокую *трансформацию самой природы войны и международной безопасности*. «Невидимые фронты» гибридных и прокси-войн обозначают переход от классических вооруженных столкновений к многоуровневым формам противоборства, где линии между войной и миром, государством и негосударственным актором, фронтом и тылом оказываются размытыми.

Прокси-войны в регионе — это прежде всего институциональная форма делегирования насилия. Они позволяют глобальным и региональным державам — от Ирана и Саудовской Аравии до США и России — реализовывать свои интересы опосредованно, *минимизируя издержки прямого участия*. Такие конфликты играют роль катализаторов перераспределения влияния. При этом сами посредники (негосударственные акторы) постепенно приобретают самостоятельный политико-военный статус и трансформируются из инструментов в субъектов региональной политики.

---

⁴ Гареев М. А. Война и современное международное противоборство // Независимое военное обозрение. 1998. 09.01. № 1.

Гибридные войны, напротив, представляют собой качественно новую стратегию ведения противоборства, *основанную на интеграции военных и невоенных средств воздействия*. Политические, экономические, информационные, кибернетические и правовые инструменты выступают не отдельными элементами, а частями единой основы контроля. В этом смысле гибридность отражает не только технологическое, но и концептуальное изменение модели власти — переход от физического доминирования к управлению восприятием, информацией и легитимностью.

В теоретико-правовом измерении данные процессы формируют новые вызовы существующим нормам международного права, которое разрабатывалось под реалии межгосударственной войны, но оказалось неспособным однозначно квалифицировать действия НГА, кибероперации или правовые кампании как акты агрессии. Следовательно, требуется уточнение правовой категории вооруженного конфликта с учетом гибридного характера современных противостояний и расширение инструментов международно-правовой ответственности, в т.ч. за косвенное вовлечение в прокси-конфликты.

* * *

Ближневосточный регион превращается в площадку новых форм войны. Израиль, Иран, Саудовская Аравия, Турция и внешние акторы (США, Россия) используют комбинации гибридных и прокси-инструментов, где информационные, дипломатические и правовые операции становятся не менее важными, чем традиционные военные действия. При этом именно гибридный характер угроз заставляет государства выстраивать комплексные системы защиты, основанные на сочетании кибербезопасности, стратегических коммуникаций и правовой дипломатии.

Следовательно, гибридная и прокси-война не являются взаимоисключающими феноменами, а представляют собой взаимосвязанные уровни единого процесса — эволюции войн в эпоху глобализации. Прокси-война задает организационную структуру конфликта, гибридная — его содержательный, технологический и методологический формат. Их взаимная применяемость на Ближнем Востоке знаменует появление новой парадигмы международной безопасности, где *управление конфликтностью становится столь же важным, как и само ведение войны*. Перспективы научного анализа заключаются в дальнейшем осмыслении правовой природы этих явлений, разработке универсальных инструментов их классификации и выработке механизмов международного регулирования безопасности, способных учитывать новые реалии «невидимых фронтов» XXI в. в регионах Ближнего Востока.

Список литературы

1. Герасимов В.В. Мир на гранях войны // Защита и Безопасность. 2017. № 2 (81). С. 2.
2. Magen A. Hybrid Wars and the “Gulliverization” of Israel // Israel Journal of Foreign Affairs. 2011. Vol. 1. P. 59–72.
3. Грачиков Е.Н. Гибридные войны: опыт Израиля // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2015. С. 267–271.
4. Рябчук В.Д., Солнышков Ю.С. Военное науковедение и методология решения проблем управления. Военно-теоретический труд. М., 1998. С. 267–268.

References

1. Gerasimov V.V. Mir na granyah voyny [The World on the Brink of War], *Zashchita i Bezopasnost'* [Defense and Security], 2017, No. 2 (81), p. 2. (In Russ.).
2. Magen A. Hybrid Wars and the “Gulliverization” of Israel, *Israel Journal of Foreign Affairs*, 2011, Vol. 1, pp. 59–72.
3. Grachikov E.N. Gibridnye voyny: opyt Izrailya [Hybrid Wars: Israel's Experience], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sociologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Sociology and Political Science], 2015, pp. 267–271. (In Russ.).
4. Ryabchuk V.D., Solnyshkov Yu.S. Voennoe naukovedenie i metodologiya resheniya problem upravleniya. Voenno-teoreticheskii trud [Military Science and Methodology for Solving Management Problems. Military-Theoretical Work]. Moscow, 1998, pp. 267–268. (In Russ.).

**“INVISIBLE FRONTS”. HOW HYBRID AND PROXY-WARS
ARE WAGED IN THE MIDDLE EAST**

The modern Middle East remains a region where acute local hostilities persist, from the confrontation in the Gaza Strip to instability in Yemen and Iraq. At the same time, along with traditional wars, hybrid and proxy conflicts are actively unfolding here. These forms of confrontation are particularly pronounced in the relations between Israel, Iran and Saudi Arabia, as well as around the actions of the United States and its partners in Syria and the Persian Gulf in the context of rivalry between regional powers using military, information and cyber tools to achieve their goals. The article analyzes the key mechanisms of hybrid conflicts in the region, from the interaction of regular armies with paramilitary groups to the use of digital technologies and disinformation companies. Special attention is paid to the role of foreign powers, which, through the support of proxy groups, pursue their own interests, contributing to the persistence of instability and fragmentation of the region. The study is based on an analysis of the dynamics of hybrid and proxy wars in the Middle East, in particular between Iran and Saudi Arabia and Israel, as well as with the participation of the United States and its partners in Syria and the Persian Gulf. These conflicts reflect a complex interweaving of global and regional interests, where State and non-State actors use military, economic, information, and cyber tools to achieve strategic goals. The hybrid nature of such wars is transforming traditional notions of sovereignty, security, and forms of violence in the region. In conclusion, it is emphasized that the “invisible fronts” will go beyond the scope of conventional military operations to a greater extent. The information space, energy infrastructure, and networks of political and economic influence are highlighted

as key areas of strategic competition. Mastering and systematically understanding the logic of the functioning of these “invisible fronts” seems to be a prerequisite for the formation of comprehensive international security strategies aimed at preventing the escalation of conflicts and ensuring the stability of the regional and global system of international relations.

Keywords: hybrid wars, proxy-wars, conflicts, non-state actors, cyberinfrastructures, delegitimization.

JEL: F5

Дата поступления — 07.11.2025

Принята к печати — 21.11.2025

АЛЬ ХАЗИМИ ИССАМ ХАЛИД АБДАЛЛА

ассистент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» / ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2, г. Москва, 117198.

e-mail: logos-vkr@yandex.ru

AL HAZIMI ISSAM KHALID ABDALLAH

Assistant Professor of the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Humanities and Social Sciences;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba” / 10, Building 2, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198.

e-mail: logos-vkr@yandex.ru

Для цитирования:

Аль Хазими Иссам Халид Абдалла. «Невидимые фронты». Как ведутся гибридные и прокси-войны на Ближнем Востоке // Федерализм. 2025. Т. 30. № 4 (120). С. 184–191. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-4-184-191>